

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

JEL: N10; 053

**Формирование и особенности
промышленной системы Японии в 1870–1880-е гг.***О. Н. Емельянова¹, Д. Н. Платонов²*¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46

Для цитирования: *Емельянова О. Н., Платонов Д. Н.* Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870–1880-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 439–464. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.305>

Япония оказалась первой азиатской страной, которая вслед за Западной Европой и США пошла по пути индустриального развития. В кратчайшие сроки страна осуществила формирование промышленной системы и достигла существенных результатов модернизации уже к началу 1890-х годов. По этой причине политика реформирования Японии в первой половине эпохи Мэйдзи (70–80-х гг. XIX в.) является одним из ярких исторических примеров решения задач технологической модернизации и перехода к новой экономической модели. В настоящей статье предпринята попытка выявить взаимосвязь факторов, которые позволили начать преодоление одного из наиболее сложных и кризисных этапов развития Японии. В качестве ключевого фактора перехода от аграрной структуры экономики к индустриальной системе необходимо выделить ведущую роль государства. В эти годы японское правительство Мэйдзи сформировало необходимые условия для дальнейшего ускоренного промышленного развития. По своей сути действия японского правительства в условиях модернизации носили прагматичный характер. На основе данного подхода правительство Японии осуществляло выбор конкретных моделей и их адаптацию с учетом собственных культурных и исторических условий. Статья начинается с анализа культурного и экономического наследия эпохи Токугава (1603–1867), которая сформировала особую этическую среду и социально-экономические условия модернизации страны в период Мэйдзи (1868–1912). Далее рассмотрены особенности становления японской индустриальной системы в 70–80-х годы XIX в. и проблема перехода от жесткого государственного регулирования к расширению частной инициативы.

В заключительной части исследования поднимается вопрос о влиянии азиатского рынка на процесс индустриализации в Японии.

Ключевые слова: промышленная система Японии, эпоха Мэйдзи, факторы индустриализации, модернизация, прагматизм, промышленная политика, международная торговля, многоукладность промышленной структуры.

Введение

Представленный в статье материал был получен в результате научного анализа на основе применения методов, имеющих общие черты с принципами *старой исторической школы* Германии, в том числе университетской школы историков-экономистов проф. Ф.Я.Полянского. Вместе с тем выводы, к которым пришли авторы, оказались во многом созвучны концепции, разработанной американским экономистом А.Гершенкроном. На примере Японии нашли подтверждение многие положения о преимуществе отсталости, сформулированные в работе «Экономическая отсталость в исторической перспективе» [Гершенкрон, 2015]: революционность и эволюционность исторического процесса; высокая зависимость страны от импорта технологий; ведущая роль государственной политики в вопросе формирования условий экономического развития страны на этапе «догоняющего» развития.

В дальнейшем идеи А.Гершенкрона развивали его ученик Х.Розовски, а также японский исследователь Окава Кадзуси [Rosovsky, 1966; Ohkawa, Rosovsky, 1965]. В своих работах эти ученые тоже акцентировали внимание на высокой роли государства в процессе промышленного роста Японии. Исследования были проведены в значительной степени на основе количественного метода экономического анализа, в основе которого лежали результаты работы нобелевского лауреата по экономике С.Кузнеця.

Центральная задача настоящей статьи заключается в определении и анализе этапа подготовки предпосылок для дальнейшего промышленного роста Японии. Исследование авторов согласуется с теорией стадий экономического роста В.В.Ростоу [Ростоу, 1961] и с подходом, выбранным исследователями К.Окава и Х.Розовски [Ohkawa, Rosovsky, 1965, p. 52–53]. В то же время отметим, что существуют и другие точки зрения по вопросу о факторах, оказавших решающее стимулирующее воздействие на экономический рост Японии в изучаемый период. Например, К.Тайра в работе «Economic Development and the Labor Market in Japan» характеризует период Мэйдзи (1868–1912) как годы «революции рынков» при небольшом государственном участии [Taira, 1970].

В работе международная торговля Японии рассматривается в качестве одного из факторов промышленного развития страны, что является новым подходом в исследовании проблемы индустриального роста Японии эпохи Мэйдзи. При этом акцент сделан на торговые отношения страны с азиатскими соседями, которые обеспечили существенный рост спроса для промышленного сектора японской экономики.

1. Культурное и экономическое наследие периода Токугава

Тема культурного и экономического наследия Японии эпохи Токугава (1603–1867) и ее позитивного влияния на модернизацию в эпоху Мэйдзи являлась в советский период центральной в контексте изучения проблем генезиса капитализма

в этой стране. Вместе с тем необходимо проанализировать эти же факторы с точки зрения их влияния на мировоззрение японцев и идеологическую составляющую изменений эпохи Мэйдзи.

Формирование этических и морально-нравственных норм японского общества в эпоху Токугава происходило в контексте сложного синтеза конфуцианских, буддийских и синтоистских религиозных доктрин. Например, трудовая этика японцев, оказывающая серьезное влияние на экономические аспекты развития страны по сей день, была выкристаллизована в процессе адаптации конфуцианского и буддийского учений к японским культурным реалиям. Следует также обратить внимание на синскретичность этики, экономики и политики в доиндустриальной Японии [Карелова, 2012, с. 138]. Эта религиозно-философская традиция в эпоху Токугава была основой для кодекса самурайской этики (*бусидо*), а также этики торгового сословия (*сёниндо*). Во главу процесса воспитания японцев ставилось глубокое усвоение основ традиционного японского мировоззрения, в том числе таких идей, как служение и отказ от интересов индивидуума в пользу групповых, доминирование государственных политических ценностей над личными интересами, первичность общественного начала по отношению к индивидуальному. В этой культурной среде формировались ценностные ориентиры ведущих представителей политической и торгово-промышленной элиты эпохи Мэйдзи, которые оказали непосредственное влияние на формирование новых подходов к управлению государством и развитию предпринимательской среды.

Еще одной позитивной чертой религиозно-философской традиции эпохи Токугава были прагматичность как черта японского национального характера и умение искусно копировать иностранный опыт. Именно эти качества во многом определили успех Японии в вопросе заимствования западного научного знания или, по словам исследователя Л. Б. Кареловой, обусловили «характерное для всей японской интеллектуальной традиции снижение уровня абстракции заимствуемых и адаптируемых идей и определенный прагматизм в подходе к усваиваемому извне культурному материалу» [Карелова, 2007, с. 137].

Модель взаимоотношений человека и общества, основанная на идее включенности всех сословий в служение на благо нации, формулировалась многими японскими мыслителями. Как в свое время утверждал конфуцианский философ Огю Сорай (1666–1728), личная и общественная сферы деятельности — это два начала единого целого, в котором личный аспект занимал подчиненное положение по отношению к общественному. Сорай рассматривал индивидуальный аспект национального пути развития исключительно в контексте личного долга: «В деле управления государством есть такой момент, как исполнение личного долга. Если оно приходит в противоречие с общественным таким образом, что может нанести ущерб последнему, то это уже не будет являться исполнением личного долга» [Карелова, 2007, с. 104]. Идея служения человека интересам общества также ярко присутствует в сочинениях другого конфуцианского философа Исиды Байгана (1685–1744). Свой взгляд на соотношение личного и общественного он сконцентрировал в формуле: «Мы должны сделать наши сердца общественными (*оякэ*)» [Карелова, 2007, с. 115].

Идея общественного интереса как наивысшей ценности легла также в основу национальной идеологии *кокутай*, сформировавшейся к середине XIX в., которая

утверждала неразрывную связь между *микадо* и его подданными. Принципы служения пронизывали все отношения в обществе, в том числе поднимался вопрос об ответственности государства перед обществом. Эта ситуация сохранилась и в период, когда Япония вступила в эпоху модернизации. Этические нормы преданности и служения особенно глубоко отразились в этике самурайского сословия и стали частью мировоззрения новой элиты, управлявшей страной в эпоху Мэйдзи.

Немаловажным в становлении новой Японии эпохи Мэйдзи оказалось качество новой элиты, пришедшей к власти в 1868 г. Ее основными характеристиками были японские конфуцианские основы морально-этического воспитания, образованность, ориентация на национальные интересы Японии. Все эти качества были выкованы уходящей эпохой Токугава и стали залогом успеха развития Японии на новом витке технологического развития, нарождающегося в период Мэйдзи.

Позиции Японии усиливались также за счет мононациональности японского государства и коллективистского самосознания общества. Сакральность японского императора, а вместе с ним священный характер происхождения всего японского народа, историческая изолированность островов Японии четко определяли принадлежность всех подданных императора к единому сообществу и приводили к безусловному противопоставлению себя остальному миру. В противоположность японской тенденции можно привести в пример Индию, где, по мнению Валлерстайна, в период колониального завоевания государственности не было [Wallerstein, 2000], лояльность на уровне регионов была значительно выше лояльности на уровне государства, а управленческая элита легко соглашалась на сотрудничество с властями метрополии.

Обратим особое внимание на то, что Япония накануне «открытия» страны имела относительно грамотное население¹. Несмотря на разброс статистических данных, можно констатировать, что к середине XIX в. в Японии была достаточно развитая сеть школ, которые создавались и центральной властью, и региональными правительствами². Однако разрыв между количеством учащихся и уровнем их образованности в конце эпохи Токугава и середине эпохи Мэйдзи был большим. Во второй половине XIX в. в развитии системы образования произошел качественный скачок, изменивший задачи, которые стояли перед образованием. Теперь они были связаны с обслуживанием потребностей новой экономической модели, нацеленной на промышленное развитие.

Одновременно с этим следует отметить, что сословная структура общества в эпоху Токугава *си-но-ко-сё* ограничивала возможности формирования рынка рабочей силы для нужд индустриализации. А межрегиональная таможенная система и многообразие региональных платежных средств являлись сдерживающим

¹ Одним из показателей грамотности населения может являться развитие книгопечатания в Японии, всплеск которого наблюдался в XVIII в. Книги разных жанров издавались большими тиражами и широко распространялись по всей стране. К началу XVIII в. город Эдо насчитывал 656 библиотек. В конце эпохи Токугава в стране было более 140 официальных переводчиков с голландского (Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава (1603–1867) // История Японии / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 204–205, 233).

² Серьезное внимание вопросу значения интеллектуального и образовательного ресурса уделяла исследователь Н. Ф. Лещенко (Лещенко Н. Ф. Кадры решают все // Японский опыт для российских реформ. 2002. Вып. 2. С. 47–54).

фактором для развития единого свободного внутрияпонского рынка. Эти барьеры были сняты только в начале 70-х годов XIX в.

Неоднозначной была и система *бакухан*, которая обеспечивала подчинение всех княжеств центральному правительству *бакуфу* и строгий контроль над ними. Для устойчивости этой системы применялась практика *санкин котай*, которая требовала от даймё их личного присутствия и проживания их членов семей в столице. С одной стороны, такая система позволяла удерживать контроль центральной власти над периферийными территориями и усиливать лояльность даиме по отношению к центральному правительству. С другой стороны, эта же система предполагала насаждение соперничества между даймё, не способствуя при этом развитию чувства национального единения.

Важным достижением эпохи Токугава стал развитый и функциональный административный аппарат с квалифицированными чиновничьими кадрами. Японский исследователь Ёсида Мицукуни в работе «Нанятые иностранцы. Промышленность» пишет, что за триста лет эпохи Токугава государственная административная система *бакуфу* породила большое количество талантливых управленцев, а также создала свою философию государственного управления. Кроме того, на всех уровнях — и центральном, и региональном — управление осуществлялось с использованием писанных законов [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 19]. Эти факторы способствовали правильному пониманию японцами западного государственного устройства.

Система сбора налога в натуральной форме *хоньякусё*, с одной стороны, сдерживала развитие денежного обращения, не включая в этот процесс представителей самой многочисленной сословной группы — крестьян, которые составляли, по разным оценкам, примерно 80% населения страны. С другой стороны, на уровне финансовых взаимосвязей местного и центрального правительства картина денежного обращения выглядела иначе.

Сегодня в большом количестве работ японских авторов, посвященных проблеме изоляции Японии (*сакоку*) в эпоху Токугава, отстаивается точка зрения о том, что она не была плотно закрыта от контактов с другими странами³. Несмотря на официальное ограничение открытых для международной торговли портов и партнеров для сотрудничества, процветала также и нелегальная неконтролируемая правительством торговля, а интерес японской стороны к мировым событиям и научным достижениям восполнялся деятельностью хотя и небольшой, но плодотворной группы переводчиков и ученых, которые получали информацию через литературу, активно закупаемую японским правительством в ходе международных контактов. Общепринятой остается только та часть трактовки политики *сакоку*, в которой утверждается непроницаемость границ Японии для распространения информации о ней для остального мира. В любом случае даже новая трактовка и свежие данные, предлагаемые в русле нового взгляда на политику *сакоку*, не приводят доказательств того, что международные контакты Японии до 1853 г. некоторым образом повлияли на процесс перехода страны от аграрной экономической к индустриальной модели.

Перечисленные выше культурно-экономические факторы долгое время определяли развитие Японии в эпоху Токугава. В этот период они не сыграли роль

³ См. работы японских исследователей: Кавакацу Хэйта, Арано Ясунори, Фудзита Сатору, Насадзуми Ёко.

катализатора перехода Японии к индустриальной экономической модели, хотя однозначно способствовали формированию морально-идеологической основы общества и властных структур, обновленных в 1868 г.

Условность проблемы выбора периода зарождения предпосылок индустриализации отмечалась многими исследователями. По этому вопросу существуют различные точки зрения, в случае Японии некоторые исследователи отсылают нас к самому началу эпохи Токугава (1603 г.). Так, например, по этому вопросу Г. Розовски писал, что «попытки установить время зарождения соответствующих предпосылок будут, по всей вероятности, продолжаться бесконечно» [Rosovsky, 1966, p. 96].

2. Роль внешнего фактора как побудительной силы к индустриализации

Угроза колонизации страны была воспринята представителями высшей политической власти Японии как основной вызов эпохи. В частности, в XIX в. активная колониальная политика ведущих мировых держав усилилась, так как колонии предоставляли возможность расширить рынок сбыта промышленной продукции, а также могли стать источником сырья, необходимого для дальнейшей собственной индустриализации. Постепенно увеличивалось число стран, перешедших на новый технологический уклад, и между ними обострялась конкуренция, в том числе за азиатские территории.

Экономически более развитые страны, активизируя свою колониальную политику в Азии, постепенно приближались к границам Японии. Это вызывало серьезное беспокойство правительства страны. В результате в конце XVIII в. было принято решение о создании специального управления морской обороны. Участившиеся в первой половине XIX в. экспедиции иностранных государств к берегам Японии усиливали настороженность правительства. Последовавшие Опиумные войны в Китае (1840–1841) были восприняты японцами как наглядный пример возможного развития событий в Японии и повлияли на усиление опасений японской правящей элиты потерять независимость и власть⁴.

Именно внешнее давление привело японцев к пониманию необходимости усиления обороноспособности страны. Причем требовалось в кратчайшие сроки вывести страну на сопоставимый с западными лидерами уровень технологического развития. Невозможно было бы достичь этого без индустриализации. Кроме вопросов оборонной сферы, на повестку дня была поставлена еще одна задача: Япония и в культурно-правовом отношении должна быть воспринята Западом как развитая страна.

⁴ Японские ученые и чиновники были достаточно хорошо информированы о событиях Опиумной войны в Китае (1840–1841). Японцы подробно расспрашивали на эту тему главу голландской торговой фактории на острове Дэсима, интересуясь в том числе вопросами британской военной тактики, численностью войск. (Содержание этого разговора опубликовано в кн.: *Boxer C. R. Jan Comprange in Japan. The Hague, 1936. Appendix 5*). Кроме этого, в Японии нашли распространение работы китайских ученых, посвященные теме Опиумной войны. А в 1843 г. на основе анализа иностранных источников был опубликован труд японского ученого Сайто Тикудо «Ахэн симацу» («Обстоятельства, относящиеся к Опиумной войне») (см.: *Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М.: ИВЛ, 1961. С. 287*).

Одновременно с этим реальный уровень угрозы со стороны западных стран, возможно, и не был столь серьезным, а международная обстановка складывалась благоприятно для Японии. В первой половине XIX в. внимание основных соперников в Азии, Британии и России было сосредоточено на стратегически более важном для них тогда регионе — континентальной Азии. К моменту открытия Японии Россия вела Крымскую войну (1853–1856), в которой также участвовали Англия и Франция. Силы Англии, в свою очередь, были отвлечены на войну с Персией (1856–1857) и Китаем (1856–1860), на подавление тайпинского восстания в Китае (1850–1864) и сипайского в Индии (1857–1859). Напряженное положение в Европе до франко-прусской войны (1870–1871), во время и после нее также отвлекало внимание Англии и России от Дальнего Востока [Аварин, 1947, с. 22].

К 70–80-м годам XIX в., к моменту выхода Японии на историческую арену, конфликт между Россией и Британией сосредоточился на вопросе разделения сфер влияния в Средней Азии⁵, отвлекая двух основных соперников от вопроса реализации японских интересов в азиатском регионе [Нарочницкий, 1956, с. 338–350, 362–369]. При этом флот России «был не настолько силен, чтобы решиться на выступление в водах Японских островов при наличии острых противоречий с Англией» [Аварин, 1947, с. 22]. Франция тем временем была поглощена реализацией своих интересов в Индо-Китае.

США, получив доступ на рынок Китая к началу XIX в., не стремились развивать свою колониальную экспансию за океаном, сосредоточившись на освоении быстро расширяющегося внутреннего рынка. Так продолжалось всю первую половину XIX в., пока промышленная продукция не обеспечила внутренний спрос и вновь не появилась потребность обратиться к внешним рынкам, а именно к Восточной Азии с ее многочисленным населением.

Таким образом, со второй половины XIX в. американская внешняя торговля вышла на новый виток развития. Крымская война, связавшая английский флот, благоприятствовала судоходству США, и судостроение стало выгодной отраслью для вложения капиталов. Накануне Гражданской войны (1861–1865) тоннаж флота США равнялся тоннажу английского и составлял почти треть мирового. Американский торговый флот обслуживал все континенты, в том числе и Восточную Азию. За последние полтора десятка лет перед Гражданской войной американский товарооборот более чем утроился, в частности экспорт в Китай вырос втрое, а импорт из Китая в США — вдвое [Аварин, 1947, с. 16].

Наряду с увеличением активности внешнеторговой деятельности в Азии США стали заинтересованы в том, чтобы овладеть стратегическими опорными пунктами у берегов Восточной Азии. В связи с этими устремлениями США принудили Японию в 1853 г. открыть границы [Иноземцев, 1960, с. 48–49]. Мысль о том, что США рассматривали Японию в основном как промежуточную базу технического оснащения своих кораблей, напрашивается и на основании анализа текста догово-

⁵ Более подробно см.: Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004, 135 с.; MacGregor. The defense of India: a strategical study, Simla: Government central branch press, 1884, 359 p; Soucek Svat. A history of Inner Asia. Cambridge University Press, 2000, 369 p.; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1960. 468 с.; Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. Россия и азиатские народы. М.: Москва, 1961. С. 86–97; Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): монография в документах. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 416 с.

ра «О мире и дружбе», подписанного между США и Японией в 1854 г. В документе большой акцент был сделан на обеспечении безопасности экипажам китобойных судов США, потерпевших кораблекрушение в северной части Тихого океана, а также на предоставлении возможности кораблям США останавливаться в японском порту и получать провиант и топливо⁶.

Однако вскоре США пришлось разделить возможность сотрудничества Японии с другими странами, которые также пожелали получить доступ на японский рынок. К 1859 г. Япония подписала торговые договоры с Америкой, Голландией, Россией, Англией и Францией⁷, по которым открыла для торговли три порта: Канагава (нынешний порт Йокогама), Нагасаки и Хакодате. Подписанные соглашения включали в себя договоренности между странами о юридических правах официальных представительств, таможенных тарифах и правилах режима наибольшего благоприятствования⁸. В 1868 г. был открыт еще один крупный порт в Кобэ.

К началу 60-х годов XIX в. господствующее положение в японской внешней торговле благодаря торгово-промышленному и морскому превосходству заняла Великобритания [Нарочницкий, 1956, с. 104]. К середине 1860-х годов к выстраиванию политических отношений с Японией подключилась и Франция, которая в противовес Великобритании, налаживавшей контакты с правительственной оппозицией, решила поддержать военное правительство *бакуфу*.

В результате усиления активности других сильных мировых держав влияние американцев на Японию к началу 70-х годов XIX в. значительно снизилось. Эти изменения были также обусловлены последствиями Гражданской войны в США. После отмены рабства вновь началось расширение внутреннего рынка США, который стал поглощать почти всю промышленную продукцию. Заметно снизился американский экспорт, в том числе и в Китай. Американцы освобождали свои капиталы из судоходства, чтобы более выгодно применить их внутри страны. Крупнейшее американское предприятие в Китае — «Пароходная компания» была продана китайцам. Первая железная дорога в Китае (Шанхай—Усун), построенная американцами с участием английского капитала, была продана китайскому императору. Концессия, полученная американцами на сооружение телеграфа в Китае, была передана датчанам [Аварин, 1947, с. 18].

В результате смены власти в Японии в 1868 г. потеряла свое влияние на японское правительство и Франция, которая прежде делала ставку на *бакуфу* и не имела тесных контактов с новой элитой. А в последней четверти XIX в., когда Англия столкнулась с кризисными явлениями в собственной экономике и была вынуждена сосредоточиться на внутренних проблемах, Япония временно перестала быть и в центре английских интересов.

⁶ Тема рассмотрена в работах: История экономики Японии. Т. 3. Открытие портов и обновление / сост. Уэмэура Матадзи, Ямамото Юдзо. Иванами сётэн, Токио: Иванами сётэн, 1989. С. 179; Като Юдзо. Мир до и после черных кораблей. Токио: Иванами сётэн, 1985.

⁷ Япония и США заключили договор в 1854 г. Предварительное соглашение между Японией и Голландией было подписано в ноябре 1855 г., торговый договор — в 1856 г. Договор между Японией и Россией заключен в 1855 г. Обмен ратифицированными документами состоялся в декабре 1856 г. (История XIX века. Т. 6 / под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938. С. 575–576).

⁸ Подробно тема рассмотрена в работе: *Gubbins J. H. The progress of Japan.* Oxford: The Clarendon Press. P. 47–51, 235–239, 250–255.

Описанные выше мировые события определили включение японской экономики в международную торговлю, одновременно с этим они наложили ограничения на возможности активного освоения японского рынка ведущими странами. В результате Япония получила относительную свободу для реализации собственных внутренних интересов. Советский исследователь А. Л. Нарочницкий считал, что международная обстановка в этот период времени благоприятствовала Японии, особенно выгодно для нее было обострение англо-русских противоречий на Ближнем Востоке и в Азии. Это положение дел А. Л. Нарочницкий сравнил с ситуацией в Европе, где «от напряженности отношений между Англией и Россией выигрывала Германия». Сравнительно небольшие размеры японского рынка способствовали тому, что внимание европейских государств и США было привлечено к Японии в меньшей степени, чем к Китаю [Нарочницкий, 1956, с. 256].

Одновременно с проведением внутренних реформ правительство Японии уделяло серьезное внимание международным отношениям, были организованы активные переговоры со всеми странами-лидерами. Правящие круги Японии удачно использовали англо-французские и англо-американские противоречия, а также экспансионистские планы США в отношении Кореи и Китая. Кроме того, тщательно выполнялись достигнутые с европейскими странами соглашения, открывались новые порты по запросу торговых партнеров. При этом, по возможности, японская сторона с выгодой для себя использовала ресурс времени и часто затягивала переговоры, ссылаясь на соблюдение японского этикета. Соглашаясь на разного рода экономические уступки в международных отношениях, японское правительство сохраняло жесткий контроль над политической и духовной жизнью внутри страны.

3. Особенности экономического развития Японии перед началом новой экономической политики

Прежде чем правительство Японии приступило к ускоренной модернизации, страна прошла непростой переходный период годов *бакумацу* (1853–1868 гг., конец системы военного правления династии Токугава), начало которого относится к моменту открытия японского рынка в результате военного давления со стороны США в 1853 г.

В эпоху Токугава Япония не была полностью изолирована от внешнего мира и продолжала поддерживать торговые связи с некоторыми странами (Голландией, Китаем, Кореей, островами Рюкю) [Кавакацу, 2000, с. 7–9], открытие новых портов в 1850-е годы для более широкого круга стран Запада (США, Англии, Франции, а также России) негативно повлияло на структуру внешней торговли и промышленное производство Японии. Этот опыт Японии можно сравнить с «шоковой терапией», которую пережили Россия и страны СНГ в 1990-е годы [Randall, Nakamura, 2005, с. 373–374].

На японский рынок большим потоком хлынули товары западного индустриального производства. Серьезную конкуренцию внутренним производителям составили товары хлопчатобумажной промышленности. Особенно пострадало внутреннее производство хлопчатобумажных ниток. Это привело к экономическому спаду в западных районах страны, которые традиционно развивали

хлопчатобумажную промышленность. Некоторые центры производства хлопчатобумажных тканей, такие как *Мока*, *Симоцукэ* (часть современной префектуры Тотиги) и отдельные районы Хоки (часть современной префектуры Тоттори), особенно процветавшие в 1830–1840-е годы, перестали существовать после открытия портов⁹. Импорт хлопчатобумажных изделий из Великобритании в период с 1860 по 1867 г. составлял примерно половину всего стоимостного объема импорта Японии. Другими крупными статьями японского импорта в тот же период были шерстяные изделия, цинк, олово, свинец и оружие [Нагаока, 1988, с. 146]. Вместе с тем высокий спрос со стороны Запада на такие товары, как чай, шелк и хлопок-сырец (составлявший более половины объема японского экспорта), резко сократил их предложение внутри страны, в результате чего произошло повышение цен на эти товары на внутреннем рынке Японии¹⁰ и увеличился объем производства.

Одновременно с этим в период *бакумацу* наблюдаются первые попытки внедрить западные технологии производства. Бесспорными лидерами в этом деле стали юго-западные княжества, которые больше остальных имели возможность контактировать с западными странами. Например, на территории княжества Сацума в г. Кагосима были построены текстильная фабрика, отражательная и доменная печи, организовано производство стекла, серной и азотной кислот, телеграфной аппаратуры, пороха, также началось первое строительство военно-морских судов. Кроме того, в Сацума были организованы мануфактуры по производству сахара, смолы, растительного масла, шафрана и киноvari [Лещенко, 1991, с. 147–148]. Большое распространение в стране получило строительство доменных печей, что было связано с отменой запрета на производство крупных судов в 1853 г. После первой установки отражательной печи в княжестве Сага в 1852 г. аналогичные печи были построены в княжествах Сацума, Нираяма, Хидзэн, Мито, Тоттори, а в 1859 г. в княжестве Тёсю. Однако самым заметным событием стало строительство ряда металлургических и судостроительных предприятий, а именно: металлургического завода Нагасаки в 1861 г., военных верфей и металлургического завода в Кобэ в 1863 г., а также верфей в Йокосука. Все эти объекты финансировались правительством *бакуфу*. Для реализации данных проектов в Японию приглашались западные специалисты, которые помимо создания производств занимались обучением японцев для работы с новыми технологиями [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 17–18].

Таким образом, первые существенные шаги, направленные на промышленное развитие Японии и на заимствование технологического опыта западных стран, были осуществлены правительством Японии в период *бакуфу*. Однако подход

⁹ Отметим, что существовали и противоположные примеры. Например, в центральных районах Японии Сэнсю и Энсю (части современных префектур Осака и Сидзуока) производство хлопчатобумажных тканей не только смогло сохраниться, но к концу 1880-х годов достигло расцвета, причем продолжало развиваться традиционное надомное производство и не было перехода к фабричной технологии (*Saito Osamu. Scenes of Japan's Economic Development and the "Longue Duree" // Bonner Zeitschrift fur Japanologie. 1986. Vol. 8. P. 18*).

¹⁰ Английский консул в Японии Р.Оллок после разговора с главой района Канагава записал в дневнике: «Нет сомнений, что цены сильно поднялись не только на товарные статьи, на которые мы создали новый спрос, но все подорожало. Такое всеобщее удорожание товаров должно сильно негативно сказаться на японских потребителях» (*Alcock R. The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan. London, 1863. Vol. 1. P. 287*).

правительства был недостаточно комплексным и не предполагал коренных изменений, которые позволили бы Японии догнать страны Запада в технологическом развитии. Это была лишь попытка заимствовать единичные образцы технологических достижений Запада и внедрить их в Японии в рамках традиционной аграрной экономической модели. Кроме того, многие изменения на внутреннем рынке происходили стихийно и не были подконтрольны централизованной государственной политике. Такие процессы приводили к резким изменениям конъюнктуры рынка и оказывали разнонаправленное влияние на уровень благосостояния всех слоев населения.

Наиболее существенным фактором нестабильности были изменения на финансовом рынке Японии. Курс золота к серебру в стране составлял 1 к 3, в то время как на Западе это соотношение было примерно 1 к 15. Заниженная по сравнению со странами Старого света стоимость золота привела к его масштабному оттоку из Японии [Нагаока Синкити, 1988, с. 146]¹¹. Изменение обменного курса золота к серебру приводило также к серьезным проблемам крупных финансовых домов, которые обеспечивали оптовые торговые операции в Осака.

Экономический кризис усиливался политической слабостью военного правительства *бакуфу*, что было обусловлено финансовым банкротством этой власти, а также отсутствием политической воли, необходимой для проведения серьезных всесторонних реформ. Япония все глубже втягивалась в мировую капиталистическую систему в качестве экспортера традиционной сырьевой продукции и все меньше имела шанс стать полноценным субъектом мировой капиталистической системы. Одновременно с этим над страной нависала угроза колонизации, которая, даже если и не была объективной, но усиливала политическую напряженность, особенно в свете той информации, которую имели японцы о колонизации Индии и опиумной войне в Китае [Нарочницкий, 1956; Аварин, 1947].

Такая негативная динамика была переломлена только со сменой власти в Японии в 1868 г. В результате закончилась эпоха 250-летнего правления династии военных правителей Токугава, а власть получила новая элита, поддержанная группой состоятельных *даймё*¹², находившихся длительное время в тени политической жизни Японии¹³. Новое правительство состояло в основном из национально ориентированных образованных молодых представителей самурайского сословия. Пересмотрев свои отношения с внешним миром, Япония официально взяла курс на самоусиление государства под лозунгом «богатая страна — сильная армия» (*фу-коку кёхэй*). Несмотря на то что действия нового правительства не всегда были последовательны, успехи индустриализации Японии стали заметны к 1890-м годам.

¹¹ Чаще всего встречается соотношение 1 к 3, однако в некоторых источниках можно найти отличное значение, например 1 к 4,65.

¹² *Даймё* — социальный слой, который на протяжении веков претерпевал изменения. В эпоху Токугава *даймё* назывались непосредственно подчиненные *бакуфу* (правительство *сёгуна*) самураи, чьи земельные владения приносили более 10 тыс. *коку* риса в год (1 *коку* примерно равен 10,39 л.)

¹³ Так называемые *тодзама даймё* («внешние даймё»), которые не поддержали Токугава Иэясу (1543–1616 гг.) в период формирования военной власти *бакуфу*. За свою нелояльность они были отстранены от активного участия в политической жизни центрального правительства. Географически их земли были расположены на периферии внутренней экономической жизни Японии. Однако этот же фактор позволил им избежать пристального контроля со стороны центрального правительства и со временем усилить экономические и финансовые основы подвластных территорий.

4. Промышленная политика Японии в 1870-е годы и ставка на государственный капитализм

Необходимость проведения политики военного самоусиления страны осознавало уже правительство *бакуфу*. Однако меры, предпринятые им, были недостаточны, чтобы принципиально изменить положение Японии. Только после смены правящей элиты в 1868 г. японское правительство перешло к решительному реформированию страны, отказавшись от старой социально-экономической аграрно ориентированной системы и обратившись к западному опыту в поисках новой модели, которая могла дать адекватный ответ на угрозу колониальной опасности. В качестве основной цели была поставлена задача достичь западного технологического уровня, что позволяло, во-первых, обеспечить военную безопасность Японии; во-вторых, добиться признания со стороны западных государств равных прав для Японии на мировой политической арене. Таким образом, Япония не просто открылась миру, а вступила в него с позиции активного участника.

Идея усиления государства с помощью западных технологий была официально заявлена в документе «Высочайшая клятва в пяти статьях», сформулированном от имени императора и оглашенном 14 марта 1868 г. Пятый пункт документа гласил, что «знания будут заимствоваться во всем мире, и таким образом основы империи будут упрочнены» [Подпалова, 1965, с. 686]. Это событие стало важным шагом на пути обновления Японии.

После завершения предварительного этапа реформирования, а именно: проведения социальных и административных реформ, а также осуществления тесного знакомства с опытом западных стран (было осуществлено множество ознакомительных поездок в США и Европу, организованных как правительственными структурами, так и посредством частных инициатив), правительство Японии перешло к реализации главной задачи — индустриализации страны.

Показательным, на наш взгляд, является отношение представителей новой правящей элиты к роли государства в процессе модернизации. Например, в мае 1874 г. крупный политик Окубо Тосимити¹⁴ в документе «Предложение по развитию промышленности» (*Сёкусан когё ни кансуру кэнгисё*) писал: «В целом сила или слабость страны зависят от благосостояния ее народа, а благосостояние народа отталкивается от наличия продукта. В свою очередь, количество продукта зависит от того, прикладывает ли народ усилия или нет для развития промышленности. Однако если посмотреть на то, как обстоит дело на Западе, мы увидим, что там инициаторами этого процесса становятся правительства и чиновники» (цит. по: [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 34]. Именно на эту формулу опиралась правящая элита эпохи Мэйдзи.

Начиная с 1874 г. правительство попыталось провести курс на индустриализацию страны, параллельно применяя два подхода: государственное финансирование и стимулирование вложений частного капитала в развитие промышленности.

¹⁴ Окубо Тосимити — японский политик эпохи Мэйдзи. За время своей карьеры занимал должности советника императора (1870–1878), министра финансов (13 августа — 12 октября 1871 г.), 1-го, 3-го и 5-го министра внутренних дел Японии (29 ноября 1873 — 14 февраля 1874 г., 27 апреля — 12 августа 1874 г., 28 ноября — 14 мая 1874 г.). После подавления Сацумского восстания в 1878 г. был убит самураем Симадой Итиро из Сацума.

При всех сложностях каждого из вариантов, очевидно, что сначала государственное финансирование оказалось гораздо более эффективным. Во-первых, отсутствие опыта работы с западными технологиями не позволяло оптимально использовать вложенные в создание предприятий средства, а частные инвесторы имели гораздо меньше прав на ошибку по сравнению с государством. Во-вторых, уровень накопления частного капитала и финансовые инструменты, позволяющие аккумулировать средства, необходимые для создания крупных современных производств, не были еще развиты в достаточной степени. В-третьих, робкие попытки вложения частного капитала в промышленность западного образца по большей части закончились неудачно, что стало отрицательным опытом частных инвесторов.

Базой для индустриализации Японии стало объединение основной части материальных ресурсов под управлением центрального правительства. Все заводы и рудники, ранее принадлежавшие военному правительству (*бакуфу*) и региональным правительствам (*ханэй*), были в начале 1870-х годов национализированы и перешли под управление новой власти¹⁵.

Рассмотрим политику правительства Мэйдзи в 1870-е годы, направленную на развитие промышленности, в отраслевом разрезе. На первом этапе особое внимание уделялось развитию инфраструктуры (строительству телеграфных линий и железных дорог). Такой фокус был выбран не только в связи со стремлением догнать Запад, но и с необходимостью осуществлять административный контроль над всей территорией страны, протянувшейся узкой полосой с Востока на Запад. С экономической точки зрения новые средства связи должны были позволить увеличить товарообмен между регионами [Ёсида Мицукуни, 1968, с. 27].

Разрешение на строительство железных дорог в Японии, предоставленное США правительством сёгуната, было отменено. Вместо этого правительство Мэйдзи, использовав иностранный заем от Англии в 1 млн фунтов (4,880 млн иен), самостоятельно приступило к развитию железнодорожной сети. В октябре 1872 г. была открыта первая железная дорога Симбаси — Ёкогама, в мае 1874 г. — линия Осака — Кобэ, в 1877 г. — Осака — Киото, в 1880 г. — Киото — Оцуми. Протяженность железных дорог, построенных в 70-е годы XIX в., составила всего 120 км, но все эти объекты были сооружены на высоком технологическом уровне с использованием английских импортных материалов и стали «символом вестернизации Японии». К 1880-м годам, окончательно придя к пониманию, что государственных средств на все не хватает, а задача по развитию железных дорог остается острым вопросом на повестке дня, было решено передать эту отрасль частному бизнесу. Правительство тем временем переключилось на развитие обычных дорог [Сугияма Синья, 2015, с. 173–174].

Зато предприятия военного профиля оставались исключительно под государственным управлением. Большинство из них выросли, основываясь на материальной базе верфей (в основном специализирующихся на починке иностранных судов) и заводов по выплавке железа, подготовленной *бакуфу* и даймё на закате эпохи

¹⁵ Правительство Мэйдзи получило 11 заводов (завод по производству железа Нагасаки, завод по производству железа Ёкосука, завод по производству пороха Сэкигучи, судостроительный завод Исикавадзима и т. д.); 9 рудников (золотосеребряный рудник Садо, серебряные рудники Икуно и Иннай, каменноугольные копи Такасима и Миикэ, медный рудник Ани, железные рудники Камаиси и Накаосака, и т. д.).

Токугава. Среди таких примеров можно перечислить артиллерийский завод Токио (*Токио хохэй косё*), артиллерийский завод Осака (*Осака хохэй косё*), военно-морское производство Ёкосука (*Ёкосука кайгунсё*), завод по строительству военных кораблей Цукидзи (*Цукидзи кайгунсё*). Заводы по производству пороха и боеприпасов Кицума и Вакаяма (*Кицума*, *Вакаяма-но каяку, даняку сэйдзодзё*) тоже были основаны до реставрации Мэйдзи, а с установлением новой власти переданы в ведомство Министерства по делам армии и флота (*рикукайунсё*). Отдельное внимание было уделено проблеме развития морского транспорта. Примером в этой области стал опыт Англии, который показал важность данной отрасли для осуществления индустриализации. Первоначально после открытия портов за неимением собственного флота вся сфера морских перевозок была монополизирована англичанами. В 1860-х годах даже перевозки вдоль японских берегов осуществлялись в основном английской компанией *Peninsular and Oriental Steam Navigation (P&O)*, а также американской компанией *PacificMail Steamship (PM)*. Для изменения ситуации и увеличения собственного контроля над морскими перевозками в качестве первого шага Япония создала две государственные компании: транспортную компанию «Кайсо кайся» в 1870 г. [История города..., 1974, с. 846–849] и почтовую компанию «Нихонкоку юбин сёкисэн кайся» в 1872 г. [До рождения почтовой..., 2008]. Для пополнения национального гражданского флота новыми судами активно развивались судостроительные заводы в Нагасаки и Хёго, ранее принадлежавшие *бакуфу*.

В 1874 г. правительство безвозмездно передало частной компании *Мицубиси* флот княжества Тоса (для переброски японских военных для вторжения на Тайвань), который получило в результате национализации имущества даймё, осуществленной в 1871 г. Кроме того, компания *Мицубиси* стала получать государственные субсидии, которые вскоре превзошли сумму в 8 млн 50 тыс. иен. Это стало серьезной поддержкой со стороны государства на этапе становления компании [Сугияма Синья, 2015, с. 192]. В результате, открыв морские рейсы в Шанхай, компания *Мицубиси* стала постепенно наращивать свой потенциал как конкурент американской Тихоокеанской почтовой компании. Большую роль в конкуренции сыграла демпинговая политика *Мицубиси*, что завершилось продажей части флота и портового оборудования Тихоокеанской почтовой компании в пользу японской *Мицубиси*. Сделка обошлась в 810 тыс. долл. США и была проведена с поддержкой японского правительства. В 1876 г. английская компания *P&O* открыла постоянный рейс Шанхай — Ёкогама, что также привело к столкновению с японскими интересами. Вновь воспользовавшись поддержкой правительства, *Мицубиси* снизила стоимость тарифов, а также внедрила систему сопровождения груза переводным векселем, что увеличило привлекательность японской компании для грузоотправителей. Это заставило и английскую компанию отменить свой рейс Шанхай — Ёкогама. К 1880-м годам Япония также успешно развернула свои собственные морские перевозки вдоль берегов Японии, значительно потеснив иностранных конкурентов [Хара Акира, 1995, с. 33].

Еще одной приоритетной отраслью с 1875 г. стала горнодобывающая промышленность. Во-первых, этот шаг был обусловлен ростом мирового спроса на медь и уголь, экспорт которых приносил в японскую казну иностранную валюту; во-вторых, золото, серебро и медь были сырьем для изготовления собственных японских монет. Высокую скорость разработки месторождений полезных ископаемых

можно объяснить внедрением западных технологий, которые позволили увеличить объем добычи при прежних трудозатратах.

До 1873 г. участие иностранного капитала в горнодобывающей промышленности Японии не запрещалось. Региональное правительство Сага и английская компания *Glover and Co.* (обанкротившаяся в 1870 г.) стали совместно разрабатывать угольный рудник Такасима еще накануне реставрации Мэйдзи.

После банкротства английской компании в разработку рудника вложилась Голландская торговая компания [Сугияма Синья, 2015, с. 174]. Однако в июле 1873 г. вышли поправки к закону о горнорудной промышленности Японии, касающиеся разработки рудников. Вся добываемая руда была объявлена собственностью государства, а лицензии на разработку месторождений могли получать только японцы [Хара Акира, 1995, с. 33]. Так завершилось участие иностранного капитала в добывающей промышленности.

В хлопчатобумажной промышленности особое внимание правительство уделяло закупкам оборудования. В 1878 г. в Айти и Хиросиме были созданы государственные хлопчатобумажные фабрики, производство которых основывалось на импортных технологиях с использованием нового западного оборудования. В 1879 г. правительство закупило 2 тыс. прядильных машин западного производства и передало их частным предпринимателям с беспроцентной оплатой в рассрочку сроком на десять лет. В результате этого шага было организовано десять частных хлопчатобумажных предприятий, в том числе крупные фабрики *Миэ* и *Тамасима*. Встречались также примеры, когда государство оплачивало безвозмездную закупку оборудования для частных предприятий, так, в частности, было создано хлопчатобумажное производство Нагоя. Высокий уровень государственного участия, в том числе мощная финансовая поддержка, позволил Японии уже к 1885 г. наладить современное производство тканей, составив конкуренцию индийскому машинному производству на азиатском рынке. Успешными также оказались прядильные фабрики *Синмати кудзуито* (предприятие, использующее в качестве сырья бракованные нити) и *Фукуока*, заводы по производству шерстяных ниток *Сэндзю* и *Сэкигүти*, а также хлопчатопрядильная фабрика *Сакаи* [Сугияма Синья, 2015, с. 192].

Однако в частном хлопчатобумажном производстве наряду с успехами было и много неудачных проектов. Большинство частных фабрик концентрировалось в районах выращивания хлопка, но объемы их производства были незначительными, работали они на гидроэнергии и располагались вдоль небольших рек, которые в периоды пересыхания сильно мельчали, что влияло на мощность производств. Кроме того, при эксплуатации импортного текстильного оборудования требовались длинные нити, в то время как японское сырье позволяло производить только короткие. Не легче было и восполнить недостаток в специалистах-технологах. Все эти факторы негативно сказывались на результативности работы фабрик с небольшим акционерным капиталом, которые не могли выйти на уровень нормальной рентабельности.

Следует отметить, что промышленная политика, проводимая правительством Мэйдзи в первые два десятилетия своего правления, не была тщательно продуманным планом, а скорее представляла собой сложный, меняющийся по ходу сценарий, который не избежал метода проб и ошибок [Сугияма Синья, 2015, с. 173].

Осуществляя вестернизацию промышленности, исполнители часто не учитывали японские сезонные климатические особенности, а также отличия японской экономической среды от западной. Такое невнимание к деталям приводило многие производства к технологической несостоятельности и финансовой убыточности, а частные предприятия в этих случаях зачастую не могли избежать банкротства [Сугияма Синья, 2015, с. 175].

К концу 1870-х годов в собственности государства насчитывалось 3 судовой верфи, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, а также телеграфная система и железные дороги протяженностью 120 км [Allen, 2010, p. 34]. В общем объеме экономической деятельности доля государственных предприятий была невелика, но важность их значения заключалась в том, что они создавались в новых отраслях и именно в них играли ведущую роль. Госпредприятия не получали прибыли, но создавали положительные экстерналии в виде распространения передового опыта.

5. Приватизация промышленных предприятий и специфические черты индустриального развития страны во второй половине 80-х годов XIX в.

К концу 1870-х годов одной из серьезных статей расходов правительства было финансирование государственных предприятий, многие из которых не выходили на уровень самоокупаемости или были убыточными, за исключением нескольких текстильных фабрик, работающих на экспорт. Для решения этой проблемы в 1880 г. был издан закон, предполагавший продажу государственных предприятий, под который попадали практически все заводы и фабрики невоенного профиля [Лебедева, 2011, с. 110].

Однако первая версия плана предполагала слишком жесткие и невыгодные условия сделки, в результате чего процесс не сдвинулся с места, пока основные принципы приватизации не были смягчены в октябре 1884 г. В результате приватизации основная часть промышленных объектов была распределена между компаниями, имеющими тесные связи с правительственными кругами, в первую очередь в выгодном положении оказались *Мицую* и *Мицубиси*, кроме них активное участие в приватизации приняли такие компании, как *Асано*, *Кухара*, *Фурукава*, *Кавасаки*. Объекты, приобретенные в результате этой приватизации, получили на несколько лет возможность работать по нулевой налоговой ставке. Таким образом, приватизация стала ключевым моментом в процессе формирования будущих дзайбацу. Шанс на формирование собственного крупного капитала и превращение в дзайбацу получили и компании *Сумитомо*, которой удалось еще в период реставрации власти избежать конфискации медного рудника Бэсси, а также *Ясуда*, которая со времен Токугава сохранила сеть меняльных и брокерских контор, а в новое время получила доступ к правительственным фондам. Обе эти компании тоже активно пользовались тесными связями с правительством для развития своего бизнеса [Хара Акира, 1995, с. 33–34].

Есть также работы, в которых в качестве важного фактора становления дзайбацу выделяется успешная система управления персоналом и финансовыми потоками компаний, входящих в структуру конгломерата. Исследуя примеры таких

дзайбацу, как *Мицубиси*, *Сумитомо* и *Ясуда*, Р. Морк приходит к выводу о том, что их корпоративное управление было эффективным, и это позволило обеспечить рациональное использование государственных активов. Можно сделать вывод о том, что не только близость к государственным кругам, но и факторы эффективного управления играли важную роль в решениях о передаче активов. Косвенным подтверждением эффективности дзайбацу служит тот факт, что промышленный подъем начался непосредственно после приватизации [Morck Randall K., Nakamura Masao, 2005, с. 377].

В результате распродажи государственных предприятий частный капитал оказался в благоприятной ситуации: появилась возможность использования современных средств производства, квалифицированной рабочей силы, возникли выгодные условия выплат кредитов с длительной отсрочкой платежа и под низкие проценты.

С 1885 г. начался первый из трех этапов ускоренного промышленного роста в Японии в эпоху Мэйдзи, который продлился до 1889 г. В период с 1885 по 1889 г. темпы роста ВВП увеличились и составили в среднем 5,2 %, промышленного производства с 1885 по 1890 г. — 7 % годовых [Мива Рёити, Хара Акира, 2010, с. 2, 9]. Несмотря на существенное повышение динамики численности населения, увеличились и темпы роста подушевого ВВП, с 1885 по 1938 г. они составили 2,0–2,2 % [Мельянцев, 1996, с. 103].

На основе анализа данных, приведенных в работе исследователя Сугияма Синъя, можно заключить, что такая же положительная динамика наблюдалась и в росте объемов акционерного капитала промышленных компаний. Совокупный объем акционерного капитала в промышленности с 1885 по 1889 г. вырос более чем в 4 раза, поднявшись со значения в 7 млн 771 тыс. иен до 33 млн 774 тыс. иен. При этом наибольший рост акционерного капитала показали хлопчатобумажная, шелкопрядельная, целлюлозно-бумажная отрасли, а также добыча и обработка металла [Сугияма Синъя, 2015, с. 214–215].

Если более подробно рассмотреть динамику развития обрабатывающей промышленности, то следует отметить, что доля текстильной промышленности в общем объеме обрабатывающего производства в период с 1887 по 1896 г. в среднем составляла 41 %. Далее этот показатель начинает снижаться вследствие ускорения роста производства остальных отраслей обрабатывающей промышленности, таких как пищевая промышленность, производство оборудования, производство керамики [Ота Ёсиюки и др., 1997, с. 208].

Со второй половины 80-х годов XIX в. начался расцвет железнодорожного строительства при участии частного капитала. За пять лет (1885–1890) протяженность железнодорожного полотна выросла почти в 4 раза (с 569 км до 2251 км), причем, если в 1885 г. государственные и частные железные дороги были почти одинаковыми, то к 1890 г. частные уже в 1,5 раза опередили государственные. За тот же пятилетний период объем пассажироперевозок увеличился почти в 9 раз, а грузоперевозок — в 7,7 раз [Сугияма Синъя, 2015, с. 219]. Однако отметим, что частному капиталу были предоставлены только местные линии, в то время как с 1885 г. все магистральные пути были монопольно закреплены за государством.

Государственная политика также активно способствовала развитию судостроения, хотя за ней оставался косвенный контроль над отраслью. В 1886 г. был издан

закон о поощрении судостроительной промышленности, по которому компаниям, строившим суда с металлическими корпусами грузоподъемностью более 700 т, предоставлялись значительные субсидии. В 1899 г. вышел еще один закон, согласно которому владельцам судов японского производства предоставлялось в два раза больше субсидий, чем владельцам иностранных судов.

Важные изменения происходили и в энергооснащенности предприятий. В период с 1881 по 1887 г. только 3,6 % заводов были оснащены паровыми двигателями, а в 1884 г. паровые двигатели давали уже 38,3 % всего объема электроэнергии, используемой в промышленности. Существенный рост выработки энергии паровыми двигателями начался с 1885 г., когда японская промышленность преодолела кризис 1881–1885 гг. и произошел рост объема производимой продукции на 18,3% [Minami, 1994, p. 11].

Важную роль в стимулировании развития частного сектора промышленности играла оформившаяся к середине 80-х годов XIX в. банковская система. Она позволила аккумулировать капитал и направить его на выдачу кредитов, в том числе и для развития индустриальной промышленности. К середине 1880-х годов также стало возможно использовать акционерный капитал для создания промышленных предприятий [Емельянова, 2018, с. 369–373].

6. Международная торговля Японии как фактор индустриализации

Для развивающегося промышленного сектора экономики требовалось расширение рынка сбыта, а также увеличение поставок дешевого сырья, необходимого для производства. Однако в силу того, что внутреннее потребление Японии не развивалось теми темпами, которые могли удовлетворить потребности в сбыте продукции, производимой индустриальным сектором, производители были значительно заинтересованы в поиске внешних рынков. Только так можно было обеспечить рентабельность развивающегося в Японии индустриального производства. Отношения с Западом не предоставляли Японии возможность изменить структуру торговли, оставляя Японию экспортером сырья и импортером западной готовой промышленной продукции [Емельянова, Щербаков, 2014, с. 56–57]. Выход был найден в расширении торговых контактов с Азиатским регионом.

До 1881–1885 гг. основной группой японских экспортных товаров являлось продовольствие (чай, рис, морепродукты), которое составляло более 30% всего экспорта. После 1885 г. доля экспорта продовольствия упала ниже 30% и далее продолжала снижаться. Доля экспорта сырья (уголь, медь) также имела в рассматриваемый период тенденцию к снижению. В противоположность этому доля готовой продукции постоянно росла, достигнув к периоду 1891–1895 гг. 23%. Доля полуфабрикатов, из которых основное место занимал шелк-сырец, на протяжении всего заданного периода была неизменно высокой, почти все время выше 40%. Если рассматривать импорт, то с 1871 г. доля продовольствия и полуфабрикатов оставалась приблизительно на одном уровне. Кроме того, следует отметить, что со второй половины 1880-х годов, хотя в стоимостном выражении импорт полуфабрикатов и готовой продукции продолжал расти, доли этих групп товаров в общем импорте обозначили существенную тенденцию к снижению. Этот процесс был связан с раз-

витием внутреннего производства хлопчатобумажной промышленности, что привело к сокращению импорта хлопчатобумажных изделий и увеличению импорта хлопка-сырца.

Таким образом, если обобщить эти данные по динамике структуры японской торговли, то можно сделать вывод, что за период с 1868 до 1895 г. в экспортной торговле Япония обнаружила тенденцию к переориентации от экспорта продовольствия и сырья к полуфабрикатам и готовой продукции; в то же время в импорте к концу периода обозначился существенный рост сырья, а доля полуфабрикатов и готовой продукции, хотя и снизилась, но несущественно [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197].

Со второй половины 1880-х годов происходит становление современного производства хлопчатобумажной нити, которая начинает экспортироваться в Китай и Корею. И хотя в структуре экспорта даже во второй половине 1890-х годов этот товар не достигает и 1 %, данный этап развития отрасли является важным для становления, так как он послужил основой для активного развития японской современной промышленности. Производство готовой хлопчатобумажной ткани, ориентированной на экспорт, активизировалось именно в то время, после чего продолжало расти. Ассортимент этого товара был широким, причем его импортерами стали Китай, Гонконг и Корея.

С 1893 г. резко увеличился экспорт хлопчатобумажной ткани в Китай и Корею, а после Первой мировой войны экспорт был переориентирован на Британскую Индию и Голландскую Ост-Индию. Важно отметить, что производство хлопковой нити, хлопчатобумажной ткани начало активно развиваться в Японии лишь во второй половине 80-х годов XIX в., а к началу XX в. эти продукты стали основными статьями японского экспорта в Азию. К 1890-м годам доля экспорта шелковых тканей, которые в основном экспортировались в США и Францию, составила 6 % [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197].

Главными партнерами Японии по торговле в Азии стали Китай и Индия. До середины 1890-х годов доля экспорта в Азию менялась незначительно, в среднем она составляла примерно 24 %, при этом наблюдалась тенденция к росту. Однако к концу XIX в. экспорт японских товаров в Азию уже достиг почти 40%. Импорт из Азии в рассматриваемый период все время превышал экспорт. В первой половине 1890-х годов импорт достиг 42 %, после чего до 1920 г. так и оставался в диапазоне 40–50 %. Особо отметим, что рост объема импорта из Индии к 1890-м годам объяснялся увеличением закупок хлопка-сырца [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 201].

Уголь в конце XIX в. не был еще сильно востребован на внутреннем рынке, поэтому основная часть его добычи экспортировалась, в том числе продавалась как топливо для иностранных судов, заходивших в японские порты. Доля угля в общем экспорте составляла около 5%. Уголь в основном поставлялся на азиатский рынок, в Китай, Гонконг и Стрейтс-Сетлементс (колония Великобритании в Юго-Восточной Азии на полуострове Малакка). Медь экспортировалась в виде медных слитков, замков и лома, скрапа и проволоки. Основными странами импортерами были Китай и Гонконг, а ко второй половине 1880-х годов доля меди в экспорте достигла 5 % [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 198].

Далее рассмотрим экспортные японские товары традиционного сектора промышленности, выпускаемые мелкими и средними производителями. Сюда отно-

сятся шелковые носовые платки, спички, гончарные и фарфоровые изделия, лакированная утварь; кроме того, трикотаж, пуговицы, циновки, расчески, зонты европейского типа. Специально для западного потребителя японцы стали производить носовые платки (экспортировались в США, Великобританию и Францию). Данный товар появился в структуре экспорта только в 1887 г. Спички начали поставляться на экспорт во второй половине 1870-х годов, их поставляли в Китай и Гонконг, ко второй половине 1880-х годов доля этого товара стала заметной, достигнув 2 % экспорта. Гончарные изделия и фарфор экспортировались в США и Великобританию, а лакированные изделия в основном шли в европейские страны, прежде всего в Великобританию. Таким образом, следует говорить о двухуровневой структуре экспорта: с одной стороны, мелкие и средние традиционные производители поставляли свой товар на западный рынок, с другой — крупные производства были ориентированы в большей степени на азиатский рынок.

При этом подчеркнем, что важные сдвиги в структуре экспорта обозначились во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов. Для данного периода были характерны следующие особенности [Умэмура Матадзи, Ямамото Юдзо, 1989, с. 196–197]:

- 1) по сравнению с первой половиной 1880-х годов экспорт шелка сырца во второй половине 80-х годов вырос более чем в 15 раз;
- 2) в первой половине 1890-х годов по сравнению с предыдущим периодом почти в 7 раз увеличился экспорт хлопчатобумажной ткани;
- 3) почти в 14 раз увеличился экспорт шелковой ткани во второй половине 1880-х годов по сравнению с предыдущим периодом, а после этого в следующем пятилетнем периоде произошел рост экспорта еще в 12,5 раз;
- 4) развитие производства шелковых носовых платков, которое началось с 1887 г., увеличилось и достигло 4 % японского экспорта.

Особое значение для Японии имела внешняя торговля со странами Азии, доля которой в общем объеме внешней торговли Японии постоянно росла. В 1883 г. стоимостной объем импорта товаров из Азии составлял 29% от общего импорта Японии, в экспорте японских товаров азиатские страны занимали примерно 20% от общего объема. В 1898 г. на страны Азии уже приходилось практически половина стоимостного объема внешней торговли Японии: 48,5 % экспорта и 48 % импорта. Во втором десятилетии XX в. объемы внешней торговли с азиатскими странами впервые превысили объемы торговли со странами Старого Света, с которыми до этого времени в основном была связана внешняя торговля Японии. Объемы внешней торговли Японии с США в то время были незначительными, прежде всего на японский рынок поставлялась нефтехимическая продукция, произведенная в США, например керосин [Kazuko, 2005, с. 25–27].

Наблюдался и постоянный рост доли японских товаров в торговых потоках внутриазиатского региона. Если в 1883 г. этот показатель равнялся всего 4 % рынка региона, то к 1898 г. он составил 14 %, в 1913 г. — 23 %, а к 1928 г. превысил 30 % [Sugihara, 2005, p. 9].

Заключение

В условиях обострения проблемы национальной безопасности японское государство было вынуждено пойти на радикальные изменения экономического строя страны. В основе этого процесса лежат прямые заимствования технологий «большого Запада». Активная промышленная политика привела к постепенному отказу от аграрной ориентации национальной экономики и формированию экономики на новой основе. Более того, в условиях относительной отсталости Японии необходимо было проводить политику ускоренной индустриализации. А частные агенты японского рынка к началу эпохи Мэйдзи были слабы и недостаточно подготовлены к развитию рыночных отношений по западному образцу. По этой причине сам по себе рынок не смог стать основой развития индустриальной экономики Японии в 70–80-е годы XIX в. В этих сложных обстоятельствах наблюдается заметное усиление роли государства во всех сферах экономики.

В условиях дефицита финансовых ресурсов важнейшей задачей являлось формирование новой государственной финансовой системы. Этому способствовала эффективно проведенная аграрная реформа, в результате которой возникла устойчивая фискальная система, финансовая база, необходимая для ускорения развития новой промышленности. Государство не только создавало, но и постоянно воспроизводило среду, обусловившую экономический подъем страны. Экономические реформы проводились на основе жесткого государственного регулирования, формирование экономических институтов осуществлялось при государственной поддержке.

В начале реформ, когда формировался фундамент новой индустриальной экономической системы, государство взяло на себя высокорискованную задачу по тестированию и внедрению в японскую хозяйственную практику новой модели производства с использованием западных технологий, ранее не применявшихся в Японии. Были созданы государственные предприятия, убыточность многих из них компенсировалась из бюджетных средств. Говоря о конкретных направлениях промышленной политики, следует отметить работу правительства по созданию центров продвижения инноваций с целью распространения западных технологий. Это было сопряжено и с возможностью подготовки новых кадров для промышленного сектора экономики. Таким образом, государство сыграло решающую роль в организации бизнеса.

В 1880-е годы начался новый этап индустриализации. К этому моменту были выстроены все базовые элементы новой системы (подготовлена рабочая сила, удовлетворяющая новым требованиям; внедрены западные технологии; обеспечены сырьем и финансовыми ресурсами экономические агенты), и правительство приступило к передаче нестратегических отраслей в руки частного капитала для ускорения их развития. Начался этап приватизации. При этом усиливалась государственная поддержка по созданию и развитию новых частных индустриальных предприятий. А государство сохранило за собой ведущую роль «архитектора», разрабатывающего и реализующего новый проект развития страны.

Важно отметить, что особенностью процесса индустриализации в Японии является продолжение развития традиционного сектора экономики, а не его деградация. Результатом была внутренняя сбалансированность промышленной системы, которая опиралась на старые и новые элементы.

Переход на новую технологическую основу был бы невозможен без роста потребления. Однако на внутреннем японском рынке в силу ряда причин за короткий период времени не могло произойти соответствующего расширения спроса на новую индустриальную продукцию. В начале процесса индустриализации спрос на новую продукцию предъявляло в основном государство, дотируя убыточные предприятия. Потребительский спрос на товары индустриального сектора экономики начал формироваться только с середины 80-х годов XIX в. совместными усилиями частных компаний и государства. С целью расширения рынка сбыта готовой японской продукции японские производители обратили внимание на потенциальные возможности зарубежных рынков. В последней четверти XIX в. стратегически важным с точки зрения наращивания экспорта японской промышленной продукции стал азиатский регион. Наблюдалось не только увеличение объемов поставок японских продуктов в Азию, но и качественное улучшение этих товаров. К концу XIX в. Япония для стран Запада продолжала оставаться лишь экспортером сырья (шелк и чай) и импортером средств производства. Однако в торговых отношениях с азиатским рынком Япония играла качественно иную роль, выступая импортером сырья (хлопок, рис) и экспортером готовой хлопчатобумажной продукции.

Следует отметить, что Япония максимально использовала внутренние финансовые ресурсы, почти не прибегая к иностранным инвестициям. Более того, большое внимание центральная власть уделяла сохранению независимости японского промышленного сектора от иностранного участия. В 1870-е годы индустриализация осуществлялась за счет бюджетных средств, формирующихся главным образом за счет поземельного налога. Значительную роль также сыграли такие источники, как денежная эмиссия и традиционно невысокий уровень потребления, который в первую половину эпохи Мэйдзи позволил увеличить норму накопления.

В начале эпохи Мэйдзи в Японии фактически отсутствовали современные финансовые институты, необходимые для развития новой индустриальной экономики, требующей больших финансовых ресурсов. В этих условиях был использован зарубежный опыт формирования кредитно-банковской системы. В 1880-е годы происходит активное формирование банковских институтов, а также закладывается правовая основа, регулирующая деятельность акционерных компаний, которые аккумулировали капитал и направляли его на нужды индустриализации. Таким образом, следует отметить, что японская экономика не была обременена финансовыми институтами, которые, будучи неэффективными, старались бы сохранять свое монопольное право на рынке финансовых ресурсов.

Литература

- Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1947. 465 с.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 59–92.
- Емельянова О. Н.* Особенности формирования банковской системы Японии в последней трети XIX в. // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. СПб.: Art-xpress, С. 362–375.
- Емельянова О. Н., Щербаков Д. А.* Роль стран Азии в развитии внешней торговли и экономического роста Японии в XVIII — XIX вв. // Проблемы Дальнего Востока, 2014. № 3. С. 125–136.
- Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Госполитиздат, 1960. 762 с.
- Карелова Л. Б.* Принципы долга и социальной ответственности в истории формирования японской трудовой и корпоративной этики // Философия и культура. NOTA BENE. 2012. № 11. С. 136–146.

- Карелова Л. Б. Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М.: Восточная литература, 2007. 318 с.
- Лебедева И. П. Роль государства в экономической модернизации // Япония: опыт модернизации. М., Ассоциация исследователей российского общества — XXI. 2011. С. 107–124.
- Леценко Н. Ф. К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // Дискуссионные проблемы японской истории. М.: Наука, 1991. С. 127–153.
- Леценко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава (1603–1867) // История Японии / под ред. Стрельцова. М.: Крафт+, 2015. С. 204–205, 233.
- Леценко Н. Ф. Кадры решают все // Японский опыт для российских реформ. 2002. Вып. 2. С. 47–54.
- Мельяницев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство МГУ, 1996. 304 с.
- Подпалова Г. И. Япония (Тексты документов XIX в.) // Хрестоматия по новой истории. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 784 с.
- Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 899 с.
- Постой В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Пренер, 1961. 240 с.
- Alcock R. The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan. T 1. London, 1863. 436 p.
- Allen G. C. A short economic history of modern Japan, 1867–1937. London: Routledge, 2010. 262 p.
- Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2005. 295 c.
- Kazuko Furuta. Kobe seen as part of Shanghai trading network // Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2005. 295 p.
- Minami Ryoshin. The Economic Development of Japan. A Quantitative Study. London: Macmillan Publishers, 1994. 416 p.
- Morck Randall K., Nakamura Masao. A frog in a well knows nothing of the ocean: a history of corporate ownership in Japan // A history of corporate governance around the world. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 367–465.
- Ohkawa K., Rosovsky H. A century of Japanese economic growth / ed. by W. W. Lockwood // The state and economic enterprise in Japan. New Jersey: Princeton University Press, 1965. P. 47–92.
- Rosovsky H. Japan's transition to the modern economic growth, 1868–1885 // Industrialization in two systems: Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. New York: John Wiley & Sons, 1966. P. 91–139.
- Saito Osamu. Scenes of Japan's Economic Development and the "Longue Duree" // Bonner Zeitschrift fur Japanologie. Vol. 8. Bonn, 1986. P. 15–27.
- Wallerstein I. Does India exist? The Essential Wallerstein. New York: The New Press, 2000. P. 310–314.
- 吉田光邦 お雇い外国人：産業 [Ёсида Мицукун]. Нанятые иностранцы. Промышленность. Т. 2. Токио: Касима кэнкюдзё сьуппанкай, 1968. 213 с.]
- 川勝平太 鎖国を開く [Кавакацу Хэйта. Открывая Японию. Токио: Добункан сьуппан, 2000. 258 с.]
- 三和良一、原朗 近現代日本代経済史要覧 [Миwa Рёити, Хара Акира. Статистический справочник по экономической истории Японии. Токио: Токио дайгаку сьуппанкай, 2010. 256 с.]
- 長岡新吉 近代日本の経済：統計と概説 [Нагаока Синкити. Современная экономика Японии. Статистика и аналитика. Токио: Минерва Сёбо, 1988. 311 с.]
- 日本郵船誕生前史 [До рождения почтовой паровой компании Ниппон Юсэн] // NYK Group, 2008, № 64. URL: <http://www.nyk.com/yusen/kouseki/200801/index.htm> (дата обращения: 17.05.2017).
- 太田愛之、川口浩、藤井信幸 日本経済の二千年 [Ота Ёсиюки, Кавагути Хироси, Фудзиси Нобуюки. Две тысячи лет японской экономики. Токио: Кэйсо сёбо, 1997. 380 с.]
- 杉山真也 日本経済史：近世～現代 [Сугияма Синъя. Экономическая история Японии. Новое и новейшее время. Токио: Иванами сётэн, 2015. 523 с.]
- 植村又次、山本有造 日本経済史：開港と維新 [Умэмура Матадзи, Ямато Юдзо. История экономики Японии. Открытие портов и обновление]. Т. 3. Токио: Иванами сётэн, 1989. 342 с.
- 函館市史 [История города Хакодатэ]. Т. 2. Хакодатэ: Хакодатэ си, 1974. С. 846–849. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/shishi_index.htm. (дата обращения: 25.05.2017).
- 原昭 日本経済史 [Хара Акира. История экономики Японии]. Токио: Хосо дайгаку кёйку синкакой, 1994. 219 с.

Статья поступила в редакцию 07.05.2018
Статья рекомендована в печать 25.06.2018

Контактная информация:

Емельянова Олеся Николаевна — ст. преп.; emelianovalesia@hotmail.com
Платонов Дмитрий Николаевич — д-р экон. наук, проф.; dnp@hotmail.ru

Formation of industrial system in Japan in 1870–1880 and its special features

O. N. Emelyanova¹, D. N. Platonov²

¹ National Research University Higher School of Economy,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Emelyanova O. N., Platonov D. N. Formation of industrial system in Japan in 1870–1880 and its special features. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 34, issue 3, pp. 439–464. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.305> (In Russian)

Japan was the first Asian country to follow West Europe and the United States in commencing industrial development. In addition, Japan managed to implement an industrial system in a short period and reached significant results by the beginning of the 1890s. Therefore, it can be argued that the reformation of Japan in the first half of the Meiji period (1870–1880s) is one distinct historical example of technological modernization and transition to a new economic model. This article analyses the interconnection of factors that enabled the country to overcome one of the most profound crises in its history. A key aspect of Japan's rapid and successful transition from an agricultural economy to an industrial economy was the Meiji government's approach. During these years, the Meiji government created necessary conditions that assisted in accelerating industrial development. The Meiji government's approach to modernizing the economy can be characterized as pragmatic. This provided the foundation for selecting suitable foreign concepts that were adapted by taking into consideration Japanese cultural and historical circumstances. This article begins with an analysis of the cultural and economic heritage of the Tokugawa period (1603–1868), which formed a special ethical environment and socio-economic conditions for the country's modernization in the Meiji period (1868–1912). Further features of the formation of the Japanese industrial system in the 1870s and 1880s are discussed, as well as the problem of transition from strict state regulation to expanding private initiative. The conclusion raises the question of the Asian market impact on the process of Japanese industrialization.

Keywords: industrial system of Japan, Meiji period, industrialization factors, modernization, pragmatism, industrial policy, international trade, multi-level industrial structure.

References

- Alcock R. *The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan*. Vol. 1. London, 1863. 436 p.
- Allen G. C. *A short economic history of modern Japan, 1867–1937*. London, Routledge, 2010. 262 p.
- Avarin V. Ia. *Bor'ba za Tikhii okean. Iapono-amerikanskije protivorechija [Struggle for Pacific Ocean. Controversy between Japan and USA]*. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv, 1947. 465 p. (in Russian)
- Emel'ianova O. N. Osobennosti formirovaniia bankovskoi sistemy Iaponii v poslednei treti XIX v. [Special features of banking system formation in Japan in the last third of the nineteenth century]. *Iaponiia: 150 let revoliutsii Meidzi [Japan: The 150th Anniversary of the Meiji revolution]*. St. Petersburg, Art-xpress Publ., pp. 362–375. (In Russian)
- Emel'ianova O. N., Shcherbakov D. A. Rol' stran Azii v razvitii vneshnei torgovli i ekonomicheskogo rosta Iaponii v XVIII–XIX vv. [The Asian countries role in the Japanese international trade and economic develop-

- ment in the 18th–19th centuries]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2014, no. 3, pp. 125–136. (In Russian)
- Gershenkron A. *Ekonomicheskaiia otstalost' v istoricheskoi perspective* [Economic Backwardness in historical perspective]. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2015, pp. 59–92. (In Russian)
- Inozemtsev N. N. *Vneshniaia politika SShA v epokhu imperializma* [The USA foreign policy in the era of imperialism]. Moscow, Gospolitizdat, 1960. 762 p. (In Russian)
- Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949*. Ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 2005. 295 p.
- Karelova L. B. Printsipy dolga i sotsial'noi otvetstvennosti v istorii formirovaniia iaponskoi trudovoi i korporativnoi etiki [The concepts of duty and social responsibility in the history of the development of Japanese work and corporate ethics]. *Filosofia i kul'tura* [Philosophy and culture]. NOTA BENE, 2012, no. 11, pp. 136–146. (In Russian)
- Karelova L. B. *Uchenie Isidy Baigana o postizhenii «serdtsa» i stanovlenie trudovoi etiki v Iaponii* [Doctrine of Isida Baigan about heart-mind learning and work ethic in Japan]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2007. 318 p. (In Russian)
- Kazuko Furuta. Kobe seen as part of Shanghai trading network. *Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949*. Ed. by Sugihara Kaoru. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 2005. 295 p.
- Khakodate si si* [History of Hakodate city]. Vol. 2. Khakodate: Khakodate si, 1974, pp. 846–849. Available at: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/shishi_index.htm (accessed: 25.05.2017). (In Japanese)
- Kindai Nihon no keidzai. Tokei to gaisetsu* [Modern economy of Japan. Statistics and overview]. Tokio, Minerva Sebo, 1988. 311 p. (In Japanese)
- Kingendai nihon keidzaisi eran* [The documents and statistics of Japanese modern and economic history]. Tokio, Tokio daigaku siuppankai, 2010. 256 p. (In Japanese)
- Lebedeva I. P. Rol' gosudarstva v ekonomicheskoi modernizatsii [The role of the State in the economic modernization]. *Iaponiia: opyt modernizatsii* [Japan: experience of modernization]. Moscow, Assotsiatsiia issledovatelei rossiiskogo obshchestva — XXI, 2011, pp. 107–124. (In Russian)
- Leshchenko N. F. Iaponiia v epokhu Tokugava (1603–1867) [Japan in the Tokugawa period (1603–1867)]. *Istoriia Iaponii* [History of Japan]. Ed. by Strel'tsova. Moscow, Kraft+ Publ., 2015, pp. 204–205, 233. (In Russian)
- Leshchenko N. F. K voprosu o vnutrennikh faktorakh razvitiia kapitalizma v Iaponii [About the internal factors of the capitalism development in Japan]. *Diskussionnyye problemy iaponskoi istorii* [Contentious issues of Japanese history]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 127–153. (In Russian)
- Leshchenko N. F. Kadry reshaut vse [Human resources solve everything]. *Iaponskii opyt dlia rossiiskikh reform* [Experience of Japan for Russian reforms]. 2002, issue 2, pp. 47–54. (In Russian)
- Mel'iantsev V. A. *Vostok i Zapad vo vtorem tysiacheletii: ekonomika, istoriia i sovremennost'* [East and West in the second millennium: economy, history and the present]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1996. 304 p. (In Russian)
- Minami Ryoshin. *The Economic Development of Japan. A Quantitative Study*. London, Macmillan Publishers, 1994. 416 p.
- Morck Randall K., Nakamura Masao. A frog in a well knows nothing of the ocean: a history of corporate ownership in Japan. *A history of corporate governance around the world*. Chicago, University of Chicago Press, 2005, pp. 367–465.
- Narochnitskii A. L. *Kolonial'naia politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke* [Colonial policies of capitalist Powers in the Far East]. 1860–1895. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. 899 p. (In Russian)
- Nihon iusen tandze dzen si* [Before the creation of Japan Mail Shipping]. *NYK Group*, 2008, no. 64. Available at: <http://www.nyk.com/yusen/kouseki/200801/index.htm> (accessed: 17.05.2017). (In Japanese)
- Nihon keidzai si* [Economic history of Japan]. Tokio, Khoso daigaku keiku sinkokai, 1994. 219 p. (In Japanese)
- Nihon keidzai-no ni sen nen* [Two thousand years of Japanese economy]. Tokio, Keiso sebo, 1997. 380 p. (In Japanese)
- Nihon keidzaisi. Kaiko to isin* [Economic history of Japan: opening of the ports and restoration]. Vol. 3. Tokio, Ivanami seten, 1989. 342 p. (In Japanese)
- Nihon keidzaisi. Kinsei — gendai* [Early modern and modern economic history of Japan]. Tokio, Ivanami seten, 2015. 523 p. (In Japanese)
- Ohkawa K., Rosovsky H. A century of Japanese economic growth. Ed. by W. W. Lockwood. *The state and economic enterprise in Japan*. New Jersey, Princeton University Press, 1965, pp. 47–92.
- Oiatoi gaikokudzin. Sange* [Foreign employees. Industry]. Vol. 2. Tokio, Kasima kenkiudze siuppankai, 1968. 213 p. (In Japanese)

- Podpalova G. I. Iaponiia (Teksty dokumentov XIX v.) [Japan (Texts of documents of the 19th century)]. *Khrestomatiia po novoi istorii* [Collection of articles on modern history]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 784 p. (In Russian)
- Rosovsky H. Japan's transition to the modern economic growth, 1868–1885. *Industrialization in two systems: Essays in Honor of Alexander Gershenkron*. New York, John Wiley & Sons, 1966, pp. 91–139.
- Rostou V. *Stadii ekonomicheskogo rosta* [The stages of economic growth]. New York, Frederik A. Prener Publ., 1961. (In Russian)
- Saito Osamu. Scenes of Japan's Economic Development and the "Longue Duree". *Bonner Zeitschrift fur Japanologie*. Vol. 8. Bonn, 1986, pp. 15–27.
- Sakoku-o khiraku* [The opening of Japan]. Tokio, Dobunkan siuppan, 2000. 258 p. (In Japanese)
- Wallerstein I. *Does India exist? The Essential Wallerstein*. New York, The New Press, 2000, pp. 310–314.

Received: May 7, 2018

Accepted: June 6, 2018

Author's information:

Olesya N. Emelyanova — Senior Lecturer; emelianovalesia@hotmail.com

Dmitry N. Platonov — Dr. Sci. in Economics, Professor; dnp@hotmail.ru